

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.163.34>

КОРРЕЛЯЦИЯ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

Научная статья

Кузьмин И.М.^{1,*}

¹ Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
Владимир, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (i.m.kuzmin.3107[at]mail.ru)

Аннотация

В статье раскрывается тенденция соотношения в правовой доктрине таких категорий, как правовая реальность и правовая действительность. Значительным шагом в рамках рассматриваемой проблематики стал отказ от отождествления данных категорий. Правовая реальность рассматривается в отечественной доктрине как явление одновременно объективное и субъективное, включающее в себя, в том числе, представления человека о действии права, его сущности, перспективах и тенденциях развития. В рамках постнеклассической философии права можно сказать, что правовая реальность представляет собой субъективно-объективное явление. Ключевую роль в развитии правовой реальности играют правовые понятия, категории и концепты, отражающие общелогические размышления о действительности.

Ключевые слова: правовая реальность, правовая действительность, философия права, постнеклассическая философия.

CORRELATION BETWEEN LEGAL REALITY AND LEGAL FACTUALITY IN DOMESTIC LEGAL DOCTRINE IN THE FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURY

Research article

Kuzmin I.M.^{1,*}

¹ Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov, Vladimir, Russian
Federation

* Corresponding author (i.m.kuzmin.3107[at]mail.ru)

Abstract

The article discloses the tendency of the correlation in legal doctrine between such categories as legal reality and legal factuality. A significant step forward in this area has been the rejection of the identification of these categories. Legal reality is viewed in domestic doctrine as a phenomenon that is both objective and subjective, including, among other things, people's perceptions of the operation of law, its essence, prospects and tendencies of development. Within the framework of post-classical philosophy of law, it can be said that legal reality is a subjective-objective phenomenon. Legal concepts, categories and concepts that reflect general logical reflections on reality play a key role in the development of legal reality.

Keywords: legal reality, legal factuality, philosophy of law, post-classical philosophy.

Введение

Сегодня юридической наукой не выработано единого подхода к определению и соотношению таких категорий как правовая реальность и правовая действительность. Анализ работ отечественных теоретиков позволяет лишь определить некоторые сущностные черты правовой реальности. Принято рассматривать правовую реальность как диалектику правовых явлений объективной правовой реальности и явлений субъективной правовой реальности. Она выходит за рамки правовой действительности, предполагающей совокупность правовых установок, определяющих основные пути развития ключевых социальных отношений. Если правовая действительность определяется через критерий деятельности, то есть действительностью является всё что действует, то реальность помимо этого включает в себя субъективные представления человека об объектах действительности [6].

Методология исследования

Основной методологический инструментарий работы составили всеобщие методы познания такие как метафизика и диалектика, применяемые в рамках исследования в целях выявления сущностных характеристик правовой реальности и её соотношения с правовой действительностью соответственно. Вместе с тем, применение общенаучных методов было дополнено результатами междисциплинарной методологии следующим образом. Методологический потенциал анализа был усилен результатами феноменологической дескрипции в части intersubjective оценки закономерностей описания опыта восприятия правовой реальности различными исследователями, что также способствует выявлению общей динамики формирования доктринального концепта исследуемого явления. Вместе с этим, применен метод феноменологической редукции в целях выявления «чистой сущности» правовой реальности в отечественной юридической доктрине первой четверти XXI века.

Основная часть

В современной правовой мысли, складывающейся на рубеже XX и XXI веков, получила большее обоснование концепция, согласно которой правовая действительность рассматривается как специфическое проявление правовой

реальности. Большинство исследований в этой области начинаются с трудов по философии права В. С. Юрчука, который определяет реальность как совокупность существовавшего, существующего и могущего существовать во всех сферах природы и общества [10]. Иными словами, реальность включает в себя прошлое, как то, что было когда-то, но сейчас его нет, будущее — как то, что будет/возможно, но сейчас его нет и настоящее — то, что существует здесь и сейчас, как сущее (именно оно именуется действительностью [10, С. 76]). Такой же позиции, развивая её в правовой сфере, придерживается Б. А. Кистяковский, указывая, что правовая реальность состоит из психического и духовного, но не физического [5, С. 615]. Поскольку справедливо будет отметить, что физическая реальность (природа, организмы, процессы) не зависит напрямую от права. Тогда как право оказывает определяющее воздействие на психическую и духовную реальность, реализуясь в волевом поведении правомочных субъектов.

Данный подход позволяет определить идеальный, но не материальный характер реальности. В связи с чем С. Л. Слободнюк пишет, что правовая реальность сочетает в себе два взаимосвязанных и взаимообуславливающих компонента: субъективный и объективный. Она включает в себя совокупность материальных и идеальных образований, воспроизводимых человеком [8, С. 345]. В рамках постнеклассической философии права можно сказать, что правовая реальность представляет собой субъективно-объективное явление. Как отмечает Б. А. Кистяковский, право приобретает реальность тогда, когда в нем объединяются субъективное и объективное право. В таком случае возможно говорить о реальности права, правовой реальности. Раскрывая сущность реальности, он отмечает в ней синтез «реальности ощущения и реальности духовной» [5, С. 295].

Исследования вышеуказанных авторов подчеркивают неоднородность рассматриваемого концепта. Правовая реальность не ограничивается системой права и развивающимися правоотношениями. Она, очевидно, включает субъективный аспект, выраженный в первую очередь в восприятии юридических явлений, процессов, фактов. В частности, В. В. Булгаков, интерпретируя труды И. В. Черниковой [9, С. 80], пишет о трех вариантах реальности: субъективная, идеальная, виртуальная [1, С. 9]. Первая неразрывно связана с психологией личности, отражая её чувства, эмоции и желания. Вторая — выражается в «высших материях сознания индивида» [1, С. 9], иными словами, базируется на восприятии и мышлении. Третья — виртуальная реальность — явление, способное существовать как в потенциальном, так и в действующем состоянии. Названные вариации позволяют утверждать, что правовая реальность не является субстанцией мира сущего, бытия, поскольку в большей мере опосредована факторами субъективного характера. Однако в приведенной системе категория виртуальной реальности видится неуместной, поскольку порождает смешение с категорией цифровой (виртуальной) реальности. И в перспективе может быть заменена категорией действительности, либо объективированной реальности. Термин «виртуальный» относится к характеристике природы объекта, в то время как «цифровой» относится к характеристике формы выражения. Виртуальному противопоставляется реальное (материальное, физическое), цифровому — аналоговое. Как, например, расширяет правовую реальность Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 26 февраля 2019 г. № 1, указывая «денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты)» в качестве предмета преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 Уголовного Кодекса РФ. В 2020 году с учетом тенденций развития общественных отношений, принят Федеральный закон № 59-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» расширяя механизм правового регулирования на нематериальные, виртуальные, цифровые объекты (явления). Вместе с тем, ВС РФ в определении № 48-КГ21-3-К7 от 1 июня 2021 г., отменив решение суда первой инстанции и апелляционное определение, указал, что виртуальные денежные средства (универсальные титульные знаки в цифровом виде) могут быть приобретены посредством обмена денежных средств, соответствующих эквиваленту избранного пользователем кошелька, а также использоваться для приобретения предметов материального мира, оплаты услуг, а потому подлежат правовой охране.

В то же время преобразование правовой реальности в правовую действительность осуществляется в результате постоянной диалектической динамики между нормативной (идеальной) структурой права и реальной жизнью общества. Взаимодействие этих уровней протекает в процессе правореализации, в ходе которого правовые нормы переходят из идеальной плоскости в сферу повседневного и прикладного. Если нормативные предписания не отвечают требованиям жизненной практики, право теряет свою действенность. Иными словами, правовой действительностью становятся те правовые предписания, содержащиеся в правовой реальности, которые находят воплощение в деятельности субъектов права, оказывают определяющее воздействие на поведение людей, трансформируя социальные отношения в правоотношения.

Учитывая названные тенденции, уместным видится обратиться к философской концепции действительности Г. В. Ф. Гегеля, который определял сущность действительности в том, что она обнаруживается в непосредственном внешнем существовании [3, С. 313]. Иными словами, она (действительность) представляется внешним по отношению к человеку и сознанию, а потому очевидно объективна. Но вместе с тем бессмысленна и несущественна без осознания, мыслительной деятельности, восприятия и интерпретации сущности. То есть без разъяснения интерпретации, интенции. В этом заключается основная качественная характеристика действительности — её объективно-субъективный характер. Действительность невозможна без её осмысления, интерпретации, выражения в словесных формах, понятиях и категориях. Последние, в свою очередь, являются элементами сознания, формирующего реальность.

Данная сущностная характеристика действительности находит отражение в трудах И. Канта, формируя принцип потенциального развития существующей действительности. В «Критике чистого разума» Кант определяет важный для развития реальности (в том числе правовой) принцип [4, С. 58], который возможно интерпретировать следующим образом. В действительности не существует объектов, которые мы не можем помыслить. Иными словами, которые не вписываются в существующие категории нашего восприятия, поскольку всякое восприятие внешнего мира осуществляется посредством априорных форм рассудка. Именно эти формы позволяют разложить полученные ощущения и впечатления на определённые категории, благодаря которым мы можем осмысленно воспринимать

окружающую действительность. Из этого следует, что действительность доступна нашему мышлению ровно настолько, насколько она поддаётся обработке посредством априорных форм. Всё, что выпадает за рамки категорий, оказывается для нас немислимым и непознаваемым. Именно фундаментальные концепции понимания реальности Гегеля и Канта получили наибольшее развитие в юридической плоскости отечественной доктрины начала XXI века.

Заключение

Правовая реальность обладает внутренним потенциалом к тому, чтобы все её элементы приобретали характер сущей правовой действительности. Этот процесс объективен и обусловлен природой самой правовой системы: достижение целей правового регулирования и эффективное функционирование права возможны лишь при максимальном сближении правовой реальности с правовой действительностью.

При формировании правовой реальности применяются новые методические приемы, заключающиеся в добавлении к старым дефинициям нового концепта, несущего смысловую нагрузку, соответствующую современным социально-экономическим и политическим вызовам. При этом синтетическое определение обычно имеет более расширенное значение, чем первоначальное базовое понятие. Наиболее показательна в этом ключе практика нормативного регулирования системы социальных отношений, развивающихся в новой форме посредством применения цифровых технологий, именуемой в большинстве нормативных правовых актов киберпространством. Например «цифровые права» в статье 141.1 Гражданского Кодекса РФ, либо «цифровая валюта» в п. 3 статьи 1 ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», либо «цифровой рубль» в 339-ФЗ от 24.07.2023. Именно поэтому ключевую роль в развитии правовой реальности играют правовые понятие, категории и концепты, отражающие общелогические размышления о действительности (объективной реальности). Познание правовой реальности через толкование понятий, выраженное в правовом суждении применительно к правовой действительности, формирует правовые категории. Они, в свою очередь, образуют понятийно-категориальный аппарат, посредством которого возможна дальнейшая интерпретация действительности и развитие правовой реальности. Выявленная закономерность подкрепляет актуальность и значимость понятийно-категориального аппарата юридической науки, в том числе для развития практики.

В связи с этим, определяя проблему соотношении правовой реальности и правовой действительности, можно утверждать, что их корреляция не может быть сведена к элементарному разделению на целое и часть. Целесообразно определить, что рассматриваемые категории соотносятся как субъективное и объективное. Однако это вовсе не означает, что субъективные мировоззренческие концепции должны противоречить действительности. Сущность правовой реальности заключается не в противопоставлении её правовой действительности, но обобщении и анализе, интенции и интерпретации, толковании и развитии последней.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Булгаков В. В. Категория правовой реальности в современной правовой науке России / В. В. Булгаков, Д. В. Булгакова // Право: история и современность. — 2021. — № 1(14). — С. 7–15.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права [Пер. с нем.] / Г. В. Ф. Гегель; АН СССР, Ин-т философии. — Москва : Мысль. — 1990. — 524 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. — Москва, «Мысль». — 1974. — 452 с.
4. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант; Пер. с нем. Н. О. Лосского. — Москва : Академический проект. — 2020. — 567 с.
5. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б. А. Кистяковский. — Москва : Директ-Медиа. — 2014. — 704 с.
6. Ланг П. П. Правовая реальность: философско-правовой анализ / П. П. Ланг // Юридический вестник Самарского университета. — 2023. — № 2. — С. 11–17.
7. Петров А. В. Правовая действительность и правовая реальность: проблемы соотношения / А. В. Петров // Вопросы российского и международного права. — 2023. — Т. 13. — № 9-1. — С. 18–25.
8. Слободнюк С. Л. Правовая реальность и правосознание в методическом дискурсе / С. Л. Слободнюк // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 11. — С. 345–346.
9. Черникова И. В. Трансформация представлений о реальности в науке и философии / И. В. Черникова // Гуманитарный вектор. — 2014. — № 2. — С. 79–88.
10. Юрчук В. С. Философия права / В. С. Юрчук. — Москва : МИЭМП. — 2007. — 140 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bulgakov V. V. Kategoriya pravovoj real'nosti v sovremennoj pravovoj nauke Rossii [The Category of Legal Reality in Modern Russian Legal Science] / V. V. Bulgakov, D. V. Bulgakova // Pravo: istoriya i sovremennost' [Law: History and Modernity]. — 2021. — № 1(14). — P. 7–15. [in Russian]
2. Hegel G. W. F. Filosofiya prava [Philosophy of law] [Trans. from Ger.] / G. W. F. Hegel; USSR Academy of Sciences, Institute of Philosophy. — Moscow : Mysl Publ. — 1990. — 524 p. [in Russian]
3. Hegel G. W. F. Enciklopediya filosofskih nauk. T. 1. Nauka logiki [Encyclopedia of Philosophical Sciences. N. 1. Logic of science] / G. W. F. Hegel. — Moscow, "Mysl." — 1974. — 452 p. [in Russian]
4. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason] / I. Kant; Translated from German by N. O. Lossky. — Moscow : Academic Project. — 2020. — 567 p. [in Russian]
5. Kistyakovskiy, B. A. Social'nye nauki i pravo. Ocherki po metodologii social'nyh nauk i obshchej teorii prava [Social Sciences and Law. Essays on the Methodology of Social Sciences and the General Theory of Law] / B. A. Kistyakovskiy. — Moscow : Direct-Media. — 2014. — 704 p. [in Russian]
6. Lang, P. P. Pravovaya real'nost': filosofsko-pravovoj analiz [Legal Reality: A Philosophical and Legal Analysis] / P. P. Lang // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta [Legal Bulletin of Samara University]. — 2023. — № 2. — P. 11–17. [in Russian]
7. Petrov A. V. Pravovaya dejstvitel'nost' i pravovaya real'nost': problemy sootnosheniya [Legal Reality and Legal Actuality: Problems of Correlation] / A. V. Petrov // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava [Issues of Russian and International Law]. — 2023. — Vol. 13. — № 9-1. — P. 18–25. [in Russian]
8. Slobodnyuk, S. L. Pravovaya real'nost' i pravosoznanie v metodicheskom diskurse [Legal Reality and Legal Consciousness in Methodological Discourse] / S. L. Slobodnyuk // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development]. — 2012. — № 11. — P. 345–346. [in Russian]
9. Chernikova, I. V. Transformaciya predstavlenij o real'nosti v nauke i filosofii [Transformation of Ideas about Reality in Science and Philosophy] / I. V. Chernikova // Gumanitarnyj vektor [Humanitarian Vector]. — 2014. — № 2. — P. 79–88. [in Russian]
10. Yurchuk V. S. Filosofiya prava [Philosophy of rights] / V. S. Yurchuk. — Moscow : My URGEMPP. — 2007. — 140 p. [in Russian]